

Невстреча с Иосифом Бродским

Сегодня изгнанному из России поэту исполнился бы шестьдесят один год

**Владимир ФАРАДЖЕВ,
для «Новых Известий»**

Характерно признание министра культуры Швыдкого, сделанное им по случаю возвращения стране старого гимна. Если мы возвращаемся к музыке Александрова, сказал министр, то слова, как ему поначалу казалось, могли быть, допустим, Бродского. Однако, признался министр, так не бывает. То есть одно должно соответствовать другому. Музыке Александрова — текст Михалкова... Понятно, Бродского нет в живых, слов для российского гимна он никогда не напишет. Имя поэта было упомянуто как некий символ. С одной стороны, музыка Александрова — символ старого, уходящего. С другой — Бродский. Слава и гордость новой России. Видимо, министру-романтику на секунду привиделся этакий симбиоз прошлого, настоящего и будущего. Так вот, оказалось, что ничего подобного в реальности нет.

Мне самому довелось пройти через горечь невстречи с Иосифом Бродским. Печальное это обстоятельство тем более печально, что случилось оно всего за три месяца с небольшим до его кончины. Начиная же наша невстреча, как ни парадоксально, со встречи. С редкой удачи, которую преподнесла судьба группе российских туристов, путешествующих по Италии. Помню дату — 21 октября 1995 года. Наша группа (мы с женой в том числе) прибыла в Венецию. Заканчивалось недельное путешествие. На осмотр сказочного города у нас оставался всего один день.

Наш очаровательный гид, смуглая кареглазая венецианка, первоначально сообщила, что именно Венецию избрал местом своего ежегодного паломничества знаменитый русский поэт Иосиф Бродский. Говоря это, она не скрывала гордости за свой город, разделяя при этом и нашу гордость за изгнанного земляка.

Внезапно я вижу каменную тумбу, накрытую решеткой. На ней две чашечки кофе, небрежно сложенная газета... Рядом неспешно беседуют двое мужчин... Я смотрю на них и не верю своим глазам... Перед нами — Иосиф Бродский!.. Невероятно!.. Только что говорили о нем... Но где наша группа?.. Где гид?..

— Ой, это вы или так феноменально похожи?
— На кого? — живо реагирует Бродский.

— На Бродского, — говорю я. Приложив палец к губам, Бродский дает понять, что не хочет привлекать чужого внимания. Его собеседник, видимо, случайный, допивает кофе и деликатно ретируется. Мы остаемся с глазу на глаз с поэтом. Судя по улыбке и вниманию, с каким Бродский смотрит на нас, чувствуется, что настроен он благодушно и чрезвычайно приветливо.

— Но ведь октябрь... До Рождества еще далеко... — замечаю я, да-

Гений за рабочим столом в своей квартире в Гринвич-виллидж. Январь, 1981 г.

вая понять, что мы в курсе его пристрастий.

— Да, — уклончиво соглашается Бродский. — Но народу уже меньше... Скоро несезон...

Наскоро попрощавшись, мы мчимся искать своих. Выскочив на набережную, облегченно вздыхаем. Наша группа как раз рассаживается по гондолам... Больше пяти лет минуло с того лучезарного октябрьского дня, проведенного в Венеции. Кроме радости, от него осталось и горькое сожаление. О несостоявшемся, упущенном...

Сейчас, когда я это пишу, в памяти всплывает воспоминание — из детства, из моей пионерской дали.

...Мне десять лет. Я — знаменосец. Шагаю впереди отряда, который должен приветствовать участников городской партконференции. Гордости моей нет предела. И вдруг перед входом в зал меня выводят из строя и отбирают знамя. Кому-то из организаторов не нравятся мои брюки. Короткие, на манжетах чуть ниже колен, они отличаются от тех, что носят другие. На других ребятах брюки обычной длины. А моей маме хочется, чтобы ее сын отличался от всех. Вот результат — я рыдаю в фойе, а весь отряд салютует в зале старшим товарищам...

Полвека прошло с той поры, а я по-прежнему тот же пионер, теряющий почву под ногами, когда вдруг оказываюсь на обочине общественного потока.

А как же Бродский? Он жил в то же время, в том же государстве, среди тех же людей. Может быть, слушаем, что он сам говорит об этом?

«...Жил-был когда-то мальчик. Он жил в самой несправедливой стране на свете. Его правила существа, которых по всем человеческим меркам следовало бы признать выродками.

Чего, однако, не произошло...»

«...Единственный способ для мальчишки восстать против своего жребия — это сойти с рельсов. Сделать это было трудно — из-за родителей, из-за того, что ты сам страшился неведомого. А главное, потому что будешь не похож на большинство...»

Будущий поэт совершает свой первый свободный поступок — в пятнадцать лет уходит из школы.

«...Было смутное, но радостное ощущение победы, солнечной улицы без конца...»

Нам, вкусившим все прелести всеобщего пионерско-комсомольского воспитания, трудно представить, что такое вообще было возможно. Вместо ненавистных рельсов — солнечная улица без конца... Хотя и через жернова советского тоталитаризма, она вывела-таки упорного юношу на просторы желанной Свободы.

Могли ли мы — государство в целом или же частное лицо, «винтик» всего механизма — оказаться вдруг на «солнечной улице» Иосифа Бродского? Рельсы тоталитаризма и улица Свободы — что те две параллельные прямые, которые никогда не пересекаются. Потому-то, наверное, наша встреча в Венеции и обернулась невстречей...

В эйфории перестройки многим казалось, что Бродский вернется. Поток именитых возвращенцев воодушевлял и внушал большие надежды. Бродский тем не менее на Родину не вернулся. И все же, смею утверждать, тяга к «отеческим гробам» не отпущала Бродского до последнего часа. Можно гадать, сознательно или подспудно избрал он местом своего ежегодного паломничества именно Венецию. Несомненно одно — этот город на воде напоминал ему другой, пусть менее ухоженный и богатый, но не менее близкий и

дорогой. И каждое возвращение в Венецию косвенно превращалось в свидание с тем, другим городом — детства, юности, первой поэтической славы...

Ни страны, ни погоста не хочу выбирать. На Васильевский Остров я приду умирать.

Сделанное в юности предсказание исполнилось с той же подменой — Питера на Венецию. Одного любимого города на другой. Бродский умер в Америке, но простишься он «пришел» в Венецию. Уже после смерти поэта я узнал, почему в тот год он изменил традиции проводить Рождество в Венеции, почему мы встретили его там в октябре. Бродский спешил. Боялся не успеть. Он знал — это свидание с любимым городом (с обоими городами) последнее.

Бродского при жизни безуспешно зывали в Россию. А после смерти правительство официально предложило похоронить его на Родине. Жена и друзья поэта не откликнулись. Они выбрали Венецию. Шесть кубометров желтых роз отправило руководство России на похороны Иосифа Бродского в Венецию. Цветы сложили на соседней могиле. По случайному совпадению там тоже был похоронен поэт — Эзра Паунд. За ним установилась слава не только большого поэта, но и большого антисемита, сотрудничавшего в свое время с фашистами.

Как ни горько это сознавать, но время Бродского для нас еще не наступило. Потому-то и лежать Иосифу Бродскому не на родном Васильевском Острове, а в Венеции, на острове Сан-Микеле. Очередной парадокс российской истории — великий русский поэт на итальянском Острове Мертвых...